
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НЕОКАНТИАНСКОГО УЧЕНИЯ
П.И. НОВГОРОДЦЕВА

© 2012 г. Елизавета Александровна Фролова¹

Краткая аннотация: статья посвящена методологическим основам учения П.И. Новгородцева: соединению философии права Канта и философии права Гегеля. Показана полемика сторонников баденской (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский) и марбургской (В.А. Савальский) школ отечественного неокантианства.

Annotation: the article is devoted methodological bases of the doctrine of P.I. Novgorodtsev: the connection philosophy of law of Kant and philosophy of law of Hegel. Polemic of supporters Baden (is shown P.I. Novgorodtsev, B.A. Kistjakovsky) and Marburg (V.A. Savalsky) schools of the russian neo-kantianism.

Ключевые слова: философия права, неокантианство, общественный идеал, социально-правовое государство, Р. Штаммлер, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.А. Савальский.

Key words: philosophy of law, russian neo-kantianism, public ideal, socially-lawful state, R. Shtammmler, P.I. Novgorodtsev, B.A. Kistjakovsky, V.A. Savalsky.

Большое значение в неокантианской философии имеют вопросы методологии. П.И. Новгородцев, являясь сторонником баденской школы неокантианства, уделял первостепенное внимание обоснованию этической сущности права и поиску общественного идеала с позиций особой методологии, направленной на процесс познания этих явлений.

Целью его творческой деятельности было стремление создать философию права как самостоятельную дисциплину, которая должна существовать наряду с теорией права.

Характеризуя задачи современной ему философии права, Новгородцев отмечает, что необходимо сосредоточить свое внимание на установлении общих философских оснований. Именно в эту сторону направлена его работа. Главный интерес П.И. Новгородцева – исследовать вопрос о самостоятельном значении нравственного начала в праве². Таким образом, по его убеждению, произойдет разрыв с традициями исключительного историзма и социологизма и переход к системе нравственного идеализма, сторонником которого являлся ученый.

К заслугам Новгородцева можно отнести попытку совместить философию права Канта и философию права Гегеля. От философии Канта он унаследовал идеи конечного идеала как вечного, но именно поэтому и недостижимого ориентира. Ученый воспринял и преломил сообразно своему времени положения Канта о личности как ценности в смысле ее своеобразия, индивидуальности, идею “правового государства” как нравственного регулятора политической деятельности (согласно концепции Новгородцева это является относительным идеалом в общественно-политической жизни начала XX в.).

От философии права Гегеля Новгородцев воспринял идеи исторического раскрытия понятий, ступеней развития, предопределяющих относительные идеалы. Новгородцев обстоятельно исследовал не только доктрины Древнего мира и Нового времени, но и тщательно проанализировал общественные движения Европы XIX–XX вв.

В своей концепции он отражал актуальнейшие для XIX–XX вв. идеи, например понятие “солидарность” (Дюги), концепцию “естественного права” (подобно Р. Штаммлеру, но проанализировано на основе иных методов), соотношение “свободы и равенства” (А. де Токвиль, Дж. Ст. Милль), “позитивные функции государства”, “право на достойное человеческое существование” (неолиберализм).

Новгородцев воспринимал эти проблемы и идеи через их теоретическое выражение (теории анархизма, синдикализма, социал-демократии,

¹ Доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

² См.: Новгородцев П.И. О задачах современной философии права. Речь, произнесенная перед диспутом в Санкт-Петербургском ун-те 22 сент. 1902. СПб., 1902. С. 1–3 и след.; Его же. Мораль и познание (По поводу статьи Е.Н. Трубецкого “Новое исследование о философии права Канта и Гегеля”) // Вопросы философии права. Кн. 2 (56). 1901. С. 279–314.

марксизма, неолиберализма), нередко преувеличивая значение отдельных теорий, положений, забытых вскоре после выступлений в печати. Так, например, он пишет о “кризисе парламентаризма”, но это было становление партийной системы, совершенствование исполнительной власти за счет ограничений прав представительных учреждений, расширение избирательного права и т.п. Новгородцев указывает на “кризис правосознания” – на самом деле (и он об этом пишет) происходила эволюция понятий, когда одни системы взглядов сменялись другими (соревнование разных теорий, философий, концепций на уровне доктринального правосознания).

Концепция П.И. Новгородцева явилась составной частью того обширного гуманистического направления, которое возникло в начале XX в. как реакция на позитивный и сциентистский тип мышления. С особой остротой встали проблемы человека как члена общества, гражданина государства и субъекта права.

На рубеже XIX–XX вв. развивалось новое общественное, научное, философское течение – идеализм, представителями которого в России были прежде всего известные мыслители – философы права Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев. В этом течении мысли различаются два направления – метафизический, мистический идеализм и научно-философский идеализм. Последний основывается на признании самостоятельности этической проблемы, “то есть самостоятельности требований справедливости, самостоятельности этического долженствования и социального идеала”³.

Бесспорным для сторонников идеализма обоих направлений является факт оценки, т.е. суждения об истине и лжи, добре и зле, прекрасном и безобразном и т.д.⁴ Оценка или оправдание од-

ного и осуждение другого может производиться только человеком, обладающим особой духовной культурой. Подобный факт установления особых оценочных категорий, или норм, свидетельствует об автономии человека, что, в свою очередь, указывает на его свободу. Далее, “из факта самостоятельной оценки и автономии следует принцип самоценности человеческой личности и равноценности личностей между собой. Наконец, основываясь на своей автономии и свободе, человек создает себе идеалы и требует их осуществления в действительности”⁵.

Новгородцев выступил с защитой научно-философского идеализма. В своем учении он стремился связать категорию долженствования с условиями социального бытия. Высшие принципы нравственности, с его точки зрения, могут быть поняты не только как совершенно формальные и абсолютные требования, прилагаемые ко всякому действию. Хотя они никогда не могут быть полностью осуществлены в реальном мире, эти требования морали представляют путеводный идеал, к которому все должны приближаться в бесконечном прогрессе.

Учение П.И. Новгородцева об общественном идеале было направлено на отыскание этих объективных форм человеческого бытия, условий существования личности – “право на достойное человеческое существование”, возможность разных проявлений в общей культуре индивидуальных личностей, имеющих равные возможности, “правовое государство” (в неолиберальном духе) и т.п.

Не только по содержанию учения, но и по способу восприятия материала, мировоззрению, манере изложения Новгородцев предстоит явным идеалистом, однако не в догматическом понимании этого термина, а в том же духе, что были, например, просветители Франции XVIII в., затем О. Конт (“идеи правят миром”, “позитивная религия”), за О. Контом – Э. Дюркгейм и Л. Дюги (воспитание чувства обязанности в целях солидарности) и многие другие.

ценности, при котором имеется в виду не охватить все то, что называется истинным, добрым, прекрасным и святым, но установить, что единственно заслуживает этих имен, следовательно, выработать нормы для научной, нравственной... жизни. Таким образом, возникает определенная область труда, за которую не может браться никакая естественнонаучная или историческая дисциплина и которая во всяком случае есть достояние философии” (см.: Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997. С. 201, 506, 507).

⁵ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 119.

³ П.И. Новгородцев разделяет по этим вопросам подход Б.А. Кистяковского. См. подробнее позицию Кистяковского в его основной работе: *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права // В кн.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / Сост., прим., указ. В.В. Сапов. СПб., 1998. С. 117.

⁴ На этом основывается факт разграничения представителями баденской школы неокантианства наук на науки о природе и науки о духе. “Наукоучение должно разрешать именно вопросы, касающиеся их объективной ценности для познания, исследуя эти понятия как средства познания в отношении их обязательности... Истинное и ложное, доброе и злое, прекрасное и безобразное, святое и несвятое суть противоположности ценностей, и поэтому..., приходится поставить вопрос о том, где вообще лежит граница между ценностью и неценностью, но разрешение этого вопроса возможно лишь с помощью такого определения понятий

Его философия права ориентирована на общественное сознание, но при условии создания, сохранения, развития общественно-политических объективных условий бытия и проявления личности.

Ориентация учения Новгородцева на личность, ее природу, самобытный, творческий, во многом самодостаточный характер позволяют рассматривать его концепцию в качестве либеральной, не только исходя из предложенных им методов разрешения политико-правовых конфликтов, но и с точки зрения содержания самой доктрины.

Значение П.И. Новгородцева для русского либерализма сравнивают со значением Дж. Ст. Милля для английского либерализма. По мнению Дж. Патнэма⁶, и тот, и другой подвели философский фундамент под либерализм и модернизировали его применительно к новым задачам. Однако Милль делал это в стране, где либерализм имел реальную силу, а Новгородцев пытался осмыслить опыт истории европейского либерализма и решать новые теоретические проблемы, которые русским либерализмом еще не были включены в число основных вопросов социально-политического положения России.

Однако и философский фундамент, на котором основывались либеральные идеи Новгородцева, имел иное происхождение по сравнению с концепцией Милля. Новгородцев стремился обосновать этическое измерение либерализма, затрагивая проблемы свободы, равенства личности, которые он понимал скорее в духе Канта, кантианства и неокантианства (личность – абсолютная ценность), чем в представлениях Милля и Бентама.

Возможно, именно отсюда происходит учение Новгородцева об общественном идеале с ориентацией на постоянно изменяющиеся потребности личности с определенным оттенком социал-демократических установок.

П.И. Новгородцев являлся сторонником нормативного учения Канта. Он воспринял и развил деление философией Канта духовной жизни человека на две независимые и самодовлеющие сферы – область опытного знания и сферу постулатов, императивов.

Согласно учению Канта, оказавшему сильное влияние на взгляды Новгородцева, к первой области относится закон причинно-следственных связей. Это сфера деятельности, исследуемая теоретическим разумом. Вторая область – прак-

тический разум, область долженствования. Двойственность человеческой природы (чувства и разум) определяет антагонизм теоретического и практического разума. Разрешение антагонизма возможно только в каждой из этих областей в отдельности⁷.

Явления опытного мира – область необходимости, доступная познающему рассудку. Здесь господствует цепь временной и причинной обусловленности. Далее, за этим миром лежит область умопостигаемых основ, царство свободы, раскрывающееся только нравственному сознанию⁸.

В этике Канта критика теоретического разума сменяется критикой практического разума. После того как Кант выявил значение и указал место этической сферы, отмечает Новгородцев, он изобразил самобытную силу нравственного сознания⁹. В отличие от других философов, которые полагали истину в согласии разума с внешним миром (Сократ, Платон, Кампанелла) и, следовательно, критерием нравственности определяли познание этого мира, Новгородцев характеризует нравственность как внутреннюю самозаконность¹⁰. Нравственное сознание находит свою истину внутри себя, а не во внешнем мире; эта истина независима от познания внешних явлений. Независимость нравственного критерия от опытного познания и возможность собственных законов объясняют, каким образом можно прийти к моральным требованиям и к идее должного. Идея “должного” в теории Канта – центр нравственного сознания¹¹. Долженствование – это возможное и мыслимое действие, основанием для которого является чистое понятие, создаваемое разумом.

В нравственной области не может быть познания¹². В этой сфере мы путем разума создаем

⁷ См.: *Новгородцев П.И.* К вопросу о современных философских исканиях (Ответ Л.И. Петражицкому по поводу книги Новгородцева “Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве”); *Новгородцев П.И.* Отдельный оттиск из журнала “Вопросы философии и психологии”. Кн. XVI. Б.м.г. С. 11; *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 32–36 и др.; *Его же.* Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 2. Метафизика нравов. М., 1965. С. 302 и др.

⁸ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 5.

⁹ См.: *Новгородцев П.И.* О задачах современной философии права. СПб., 1902. С. 2, 6, 8 и др. См. также: *Кант И.* Критика чистого разума. С. 345–347.

¹⁰ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. С. 8, 9.

¹¹ См.: *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типичных построения в области философии права. М., 1901. С. 114.

¹² Нравственное долженствование – это вид необходимости, который содержится в сознании человека. “Рассудок

⁶ См.: *Putnam Y.F.* Russian alternatives to marxism. Knoxville, 1976.

сами себе закон, которому подчиняются все наши правила, как будто бы из нашей воли вместе с тем должен возникнуть и порядок природы.

Если в теоретической области (закон необходимости) объекты являются причиной представлений и они определяют познание и волю, то в практической области (закон долженствования) сама воля создает свой объект, свой закон. Здесь речь идет только об установлении правил для воли, а не о ее результатах. Будут ли эти правила осуществляться в действительности, это безразлично. Для практического разума важно только, принадлежит ли это действие лицу как его действие, т.е. обладал ли человек в момент совершения какого-либо действия разумением и свободой¹³.

Большое внимание, которое Новгородцев уделяет исследованию и комментированию разделов философии Канта, посвященных проблеме соотношения необходимости и свободы, определялось его стремлением показать особенность общественных наук, изучающих закономерности социальных явлений. Если естественные науки устанавливают и изучают причинно-следственные связи, необходимо существующие и действующие в мире бездушных вещей и явлений природы, то как обстоит дело в обществе, состоящем из людей, наделенных разумом и свободной волей? Известно, что эта проблема, в свое время занимавшая умы классиков немецкой философии, а затем как бы отошедшая на второй план под натиском

позитивистских и социологических концепций, с новой силой зазвучала в последней трети XIX в.

Повышенный интерес Новгородцева к методологическим проблемам философий Канта и Гегеля не случайны: оба названных философа дали наиболее содержательные решения проблем “необходимости” и “свободы”. Эти вопросы тщательно исследованы Новгородцевым и изложены в его работе “Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве”. Два типических построения в области философии права”. Главное в том, что эти абстрактно-философские на первый взгляд проблемы имели (и сохраняют) самую гжучую актуальность, поскольку напрямую связаны с отнюдь не академическим вопросом о путях развития человечества, о факторах, движущих историю.

Во времена П.И. Новгородцева было уже немало социологических концепций, пытавшихся поставить историю общества в причинно-следственную связь с внешними для данного общества факторами (географическая среда и др.) либо с обстоятельствами, органически включенными в общество, но не зависящими от воли и сознания его членов (развитие промышленности, рост народонаселения, расовый и национальный составы населения и др.). Наиболее влиятельной из этих концепций была марксистская концепция исторического материализма.

Взгляд на историю общества как на причинно-обусловленный процесс, где настоящее и будущее предопределены обстоятельствами, не зависящими от воли и сознания людей, был органически неприемлем для Новгородцева. Дело не только в том, что многие и разнообразные изображения будущего общества, выводимые из причинно-следственных связей, представлялись ему фантастическими либо противоречили его убеждениям. Приложение причинно-следственных связей к истории общества Новгородцев считал вообще ненаучным, произвольным, не согласующимся со спецификой развития общественных отношений, участники которых действуют каждый по-своему и из их действий всегда складывается результат, причину (или причины) которого практически невозможно определить с естественнонаучной точки зрения¹⁴.

может признавать во внешнем мире только то, что есть, было или будет. Невозможно, чтобы здесь что-либо *должно было быть* иначе, чем оно действительно есть в своем временном явлении. Мы не можем спрашивать, что должно совершиться в природе, так же как мы не можем спрашивать, какие свойства должен иметь круг” (см.: *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии права. Учения Нового времени XVI–XIX вв. М., 2011. С. 257). Это положение, однако, не противоречит учению Канта о методе, согласно которому “добродетели можно и должно *учить*” с помощью диалогического (способ обучения, когда вопросы учителя обращены к разуму учеников) и катехизического (способ обучения, согласно которому вопросы учителя обращены только к памяти учеников) методов (см.: *Кант И.* Этическое учение о методе // *Кант И.* Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 2. Этическое учение о методе. С. 421–424; *Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 9, 10.

¹³ См.: *Новгородцев П.И.* К вопросу о современных философских исканиях (Ответ Л.И. Петражицкому по поводу книги Новгородцева “Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве”); *Новгородцев П.И.* Отдельный оттиск из журнала “Вопросы философии и психологии”. Кн. XVI. Б.м.г. С. 22. См. об этом также: *Риккерт Г.* О понятии философии. Кн. 1. М., 1910. С. 19–60 и др.; *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права // В кн.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 178–184 и др.

¹⁴ Теоретическую несостоятельность и практическую двойственность марксизма Новгородцев детально показывает в своей главной работе “Об общественном идеале” (см.: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 230–350 и др.). Критическую оценку доктрины марксизма см. также: *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Социально-философское исследование. Изд. 2-е. М., 2010. С. 26–62 и др.; *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 94–104 и др.

Основным субъектом (и целью) истории для Новгородцева всегда оставалась личность, наделенная разумом и свободной волей. Жизнь и деятельность человека (существующего в исторически меняющемся обществе) для него – сущность самой истории. Можно было бы сказать, что подход Новгородцева к этой проблеме сделан с таким упором на личность, всегда стоящую на первом плане, что заслуживает упрека в индивидуализме. Такой упрек, однако, необоснован. Личность (индивид) в теоретических изысканиях ученого всегда берется как член общества, условия, класса, семьи, социальной группы; к его пониманию личности вполне применимо аристотелевское “человек – существо политическое”. Но этому не противоречит и формула Протагора “человек есть мера всех вещей”. На второе из этих понятий Новгородцев опирается более, чем на первое. Применительно же к настоящему и будущему его взглядам особенно соответствовала идея, выраженная во второй формуле категорического императива Канта: “Человек – не средство, а цель”. Исходя из этой идеи, Новгородцев и уделяет столь большое внимание различению между этикой и натурфилософией, проведенному Кантом.

Как отмечено, в этическом учении Канта субъект рассматривается в двух плоскостях. Нравственному сознанию безразлична окружающая действительность – оно может противоречить прошедшей и текущей действительности. Осуждение прошлого может быть практически бесплодным, но оно представляет собой факт нравственной жизни.

Из противопоставления теории и морали следует различие необходимости и нравственной свободы. Субъект рассматривается в двух плоскостях: на уровне явлений и как вещь в себе. Естественная необходимость принадлежит к миру явлений. Человек подчиняется ей только как явление. Однако тот же самый субъект сознает себя и как вещь в себе (т.е. является причиной своих действий) и рассматривает свое существование как определяемое исключительно законами разума.

С точки зрения Новгородцева (здесь он следует Канту), каждое действие в одно и то же время необходимо и свободно: необходимо, если брать его в ряде временных причин и следствий; свободно, если брать его к умопостигаемой основе, к субъекту, к вещи в себе¹⁵.

Новгородцеву (в этом он тоже следует Канту) необходимо было показать нравственный принцип в безусловном выражении, не зависящем от внешних факторов. Априорность относилась им не к содержанию нравственных норм, а к самому критерию нравственности, поскольку никакой опыт не может дать обоснования моральной обязанности действий. Поэтому для опытной науки нравственные проблемы неразрешимы (нельзя ответить на вопросы: должны ли мы и почему мы должны?). Наука может подвергнуть анализу сущность нравственного чувства и свести его к идее обязанности; но на этом анализ и кончается.

Из разграничения теоретической и практической областей следует разделение законов существования (открываются теоретическому разуму) и норм должностования (устанавливаются практическим разумом). Так возникает различие научного объяснения и нравственной оценки. Никогда норма должного не может стать принципом объяснения либо законом природы – основанием для оценки. Нельзя применять оценку по нормам там, где должно быть дано объяснение по закону¹⁶. Таким образом производится разграничение этики и науки. Однако разграничение этих областей не исключает их взаимодействия, считает Новгородцев, поскольку причинная необходимость не исключает нравственной оценки.

Параллельно закономерности воли существует закономерность знания. С точки зрения должного оценивается будущее, прошлое, настоящее. Опыт прошлого и настоящее положение вещей могут дать повод к ожиданию этически нежелательного результата; когда речь идет об идеале, о нравственно-должном, тогда проявляется деятельность разума – его практическая функция.

Следовательно, самозаконность воли может существовать только в полной независимости от внешней закономерности. Новгородцев разделяет кантовское представление о том, что для этики важно определить безусловный нравственный идеал и конкретные нормы его осуществления¹⁷.

¹⁶ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. С. 16, 22.

¹⁷ О соотношении “долженствующего быть” и “существующего” интересно сопоставить подходы П.И. Новгородцева и Р. Штаммлера. Оба мыслителя разделяли неокантианскую философию права, что объясняет схожесть их подходов в решении многих теоретических вопросов (например, концепция естественного права с изменяющимся содержанием, критика марксизма). Вместе с тем П.И. Новгородцев по своим взглядам принадлежал к баденской школе неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), а Р. Штаммлер – к марбургской школе (Г. Коген, П. Наторп), что обусловило различие их оценок и полемический

¹⁵ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. С. 13. См. также: *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 2. С. 334–340 (особ. 338) и др.

Но этого недостаточно, считает Новгородцев, для практической действительности; сила нравственной воли обнаруживается в том, чтобы искать своего проявления во внешнем мире. Формализм кантовской этики касается только характера должностования, а не существа идей. Отсюда Новгородцев развивает мысль о естественном праве как формальном законе, имеющем характер всеобщего должностования с изменяющимся содержанием¹⁸.

Каким образом возможно согласовать с чувством долга живое нравственное сознание? Как установить связь морального закона с естественными склонностями и целями индивида? Новгородцев приходит к мысли, что для живого нравственного сознания мораль должна быть и осуществляющимся законом жизни¹⁹. Долженствующее есть именно то, что должно осуществиться; безусловно-невозможное и неосуществимое не может быть и долженствующим. Следовательно, идеальная норма должна сочетаться с опытом. Если мы говорим о нормальном настроении, которое вменяется человеку в обязанность, о нормальном обществе и государстве, которые ставятся идеалом нравственности, то надо признать за философией право на вмешательство в личную и общественную жизнь.

Право и государство – это не только долженствующее, это реальность. Идеальные нормы, относящиеся к ним, устанавливаются именно в силу осуществления нравственного закона.

тон П.И. Новгородцева по отношению к своему марбургскому оппоненту. Р. Штаммлер различал материю и форму. Он утверждал, что “*по материи* все грядущее, конечно, возникает из ранее существовавшего. Конкретные цели, которые могут возникать в истории, являются, само собой разумеется, эмпирически обусловленными... Однако формальное определение стремлений, возникающих из существующего права..., обозначает применение *общепринятого приема*. Он должен находить место при всяком лишь мыслимом правовом материале и представляется в качестве *формального метода*, свойство которого должно быть совершенно независимым от условных учреждений того или другого социального регулирования”. Исходя из этого, долженствующее нельзя выводить из существующего (см.: Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоповедения. М., 1908. С. 94, 95).

¹⁸ См.: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 118–120.

¹⁹ См.: Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. С. 22, 23. См. об этом: Кант И. Соч. В 4-х т. Нем. и русск. яз. Т. 1. Трактаты и статьи (1784 – 1796); О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”. М., 1994. С. 249, 251, особ. 253 и др.; Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 54, 56–58, особ. 79 и др.

Что такое нравственный закон воли как норма общения лиц? Норма обособленной личности относится к субъективной этике, но одновременно может явиться и основой для общей нравственной жизни (общая цель индивидов). Автономный закон личной воли может и должен согласно учению П.И. Новгородцева воплотиться в нравственную норму общения и уже таким образом явиться основой личной жизни²⁰. Учение вбирает в себя идею философии права Гегеля о том, что различия индивидов примиряются высшей связью. Однако личность не поглощается всецело государством, как это происходит у Гегеля, напротив, как вещь в себе личность самозаконна и предъявляет к государству требования внешней защиты нравственного сознания.

Учение Новгородцева об общественном идеале основывается во многом на идеях Канта и Гегеля (создается своеобразное соединение этих учений, которое Новгородцев использует в качестве методологии учения об общественном идеале).

Различая теоретическую и практическую сферы разума, отграничивая возможность исследований науки от постулатов этики, Новгородцев (тем не менее) пытается синтезировать эти области в реальном сознании людей и в проявлении конкретной действительности.

Идея общественного (социального) – область эмпирической действительности с причинно-следственными законами и связями. В этой области возможны научные достижения формально-догматической юриспруденции и психологической теории права. Их общая задача – исследовать явления действительности и свести их в систему права (психологическая теория права Петражицкого) либо государства и права (юридический позитивизм). Это область существующего, которое желательно, возможно и

²⁰ Нравственный закон воли следует рассматривать как норму общения лиц. При этом связь людей между собой может быть выведена только из совокупного рассмотрения индивидов в их высшем единстве. Нравственные законы понимаются не как норма обособленной личности, а как основа для общей нравственной жизни, связывающая всех вместе какой-либо общей целью. В этом случае автономный закон личной воли сам собою переходит в нравственную норму общения. Все индивидуальные различия примиряются высшей связью, которая имеет для общения лиц еще большее значение, чем сходство их потребностей и целей. Новгородцев отмечает, что этот поход (анализ общественных связей самостоятельных лиц) получил большую разработку в политической теории Гегеля (см.: Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XIX вв. М., 2011. С. 260, 261).

должно быть. В этой сфере явлений можно прогнозировать тенденции развития права и государства.

Область поиска идеалов – сфера практического разума, этики. В этой сфере основным законом считается закон долженствования. Индивид сам ставит перед собой цели и пытается их достичь в действительной жизни. Однако собственноручно для идеи должного практическое воплощение не имеет решающего значения. Поиск лучшего – вечная потребность мыслящего индивида. В этике может быть только оценка действительных событий, прошедших, настоящих, возможно, будущих. Но реально повлиять на события этические императивы могут, только воплотившись в сознании людей, когда они (постулаты) станут собственными законами лица и превратятся в его автономную волю.

С этих позиций Новгородцев выступает против субъективной социологии, историко-этической школы политической экономии и других философских направлений, которые, по его убеждению, смешивают науку с этикой²¹.

Разбирая учение Р. Штаммлера – сторонника марбургской школы неокантианства, воспринявшего и по-своему развившего философские идеи Канта, Новгородцев показывает, каким образом этика в учении Штаммлера в отношении причинности и целесообразности приходит на помощь науке. Там, где причинная связь недоступна для познания, вступает в свои права “закономерность воли”²².

Новгородцев, стремясь четко разграничить науку и этику, создает естественноправовую теорию права. Право предстает как идея (область нравственных постулатов) и как конкретные права и обязанности индивида и государства (юридический позитивизм, либеральные концепции, теория Петражицкого). Это различие содержания права приводит к представлению о естественном, высшем, надклассовом характере права как регулятивном постулате.

Важной проблемой методологии, содержащейся в концепции Новгородцева, являлась проблема соотношения общих и неизменных (философских, этических и иных) идей и разнообразных, меняющихся, непостоянных социальных отношений и их оценок, существующих в человеческой истории и (особенно) в общественном, массовом

сознании²³. Для Новгородцева эта проблема существовала прежде всего как соотношение общих (неизменных) норм и принципов нравственности и массового обыденного морального сознания, менявшегося в процессе исторического развития человечества. Она решалась им следующим образом.

Общие принципы и нормы нравственности, соответствующие сущности человека, существовали всегда (перефразируя известное положение Аристотеля, можно сказать, что “человек – существо моральное”). Несмотря на то что условия различных обществ, существовавших в истории, давали возможности следовать этим нормам, а порой заставляли людей действовать вопреки им, нравственное не становилось безнравственным (и наоборот), хотя в обыденном сознании ряда племенных, этнических, государственных общностей именно это и происходило (каннибализм, кровосмешение, рабство, грабительские войны).

Новгородцев решает эту проблему в духе идей Канта о всеобщей истории. Задача формирования просвещенной, нравственной и потому подлинно свободной личности, считал Кант, очень трудна: “Из столь кривого дерева, из какого сделан человек, не может быть вытесано ничего совершенно прямого. Природа избрала для нас лишь путь приближения к этой идее”²⁴. Этот путь, отмечал Кант, идет через сохранение и развитие того доброго, что в свое время содействовало возвышению и прославлению различных народов, и хотя вследствие заблуждений, присущих им, народы вновь приходили в упадок, но, тем не менее, так, что в остальном всегда сохранялся зародыш просвещения, который в ходе каждой революции развивался далее, подготавливая следующую, еще более высокую степень совершенствования.

В этих суждениях Канта на первый взгляд не меньше историзма, чем в рассуждениях Гегеля об

²¹ См.: Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. С. 17.

²² См.: там же. С. 18.

²³ Г.Ф. Шершеневич, стоя на иных позициях в области философии права (полагал, что философия права должна изучать право, как оно есть, и право, каким оно должно быть, поэтому она не может постигать рационалистическую сущность и цель права и не может постигнуть идею права вне эмпирической действительности), четко определяет теоретическую часть философии права: “Философия права должна устанавливать основные понятия, не применяясь к тому разнообразию содержания, которое дается условиями времени и места. Философия права дает понятие о сущности права не для данного исторического периода или для данной страны. Она ищет постоянное в сменяющемся” (см.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Учебное пособие (По изданию 1910–1912 гг.). Т. 1. М., 1995. С. 23).

²⁴ См. об этом также: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // В кн.: Кант И. Соч. В 4-х т. Т. 1. С. 99 и др.

истории, ее закономерностях и стадиях. Однако работа Канта “Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане” все же посвящена более узкой проблеме, чем те, которые решал Гегель в своей “Философии права”, стремясь показать “высший замысел природы – развитие всех природных задатков, вложенных в человечество”.

Ход рассуждений Новгородцева о нравственном идеале вполне аналогичен суждениям Канта. Нормы и принципы общечеловеческой морали, их признание хотя бы частью общества (пусть отдельными людьми) существовали на всем протяжении человеческой истории (как “зародыши” будущего, а по существу – осознание своей сущности как человека). Новгородцев избегает упрека в следовании модным тогда субъективистским концепциям (родственных махизму), проецировавшим на историю понятия, почерпнутые из современности. Он исходит из того, что нравственные законы отнюдь не возникли вместе с человеком “в готовом (завершенном) виде”. Суть дела в том, что в нравственном сознании (включая его массовый, обыденный уровень) в процессе развития человечества возникают новые нравственные нормы, отражающие достигнутый уровень цивилизации. На этом основывается понятие “естественного права с изменяющимся содержанием”.

Идея естественного права с изменяющимся содержанием, которую развивает Новгородцев в своем учении, берет начало от Штаммлера. Под естественным правом Штаммлер понимает идеальное построение будущего и критическую оценку существующего права. Это – атмосфера, в которой вырабатывается действительное право²⁵. Новгородцев вторит: “Пока сознание не превратилось в форму закона или обычая, оно есть нравственное требование; в этом качестве оно действует на существующее право, смягчая его резкости и односторонности”²⁶.

²⁵ “Мы вовсе не отрицаем ни возможности соображений о естественном праве вообще, ни возможности установления принципа естественного права, а отвергаем лишь попытки представителей учения естественного права установить принципы права с определенным содержанием в качестве безусловного образца. Это, конечно, невозможно... Существует естественное право, но это – естественное право с переменным содержанием. Под естественным правом я разумею, таким образом, те правовые принципы, которые содержат право теоретически верное при известных эмпирических условиях...” (см.: *Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории*. СПб., 1899. С. 166 и др.; *Его же. Сущность и задачи права и правоведения*. С. 7–12 и др.).

²⁶ См.: *Новгородцев П.И. Право естественное // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь*. Т. 48. СПб., 1898. С. 885–890.

Однако необходимо сделать оговорки, важные для понимания всей концепции Новгородцева. Во-первых, по духу этой концепции далеко не все новые нормы морали механически включаются в содержание “естественного права”. Некоторые из них, напротив, предполагают освобождение каких-то действий и отношений от юридической оценки (личные, семейные, религиозные, национальные отношения) и потому отражаются в естественном праве лишь в отрицательном плане. Во-вторых, еще важнее проблема оценки новых норм и отношений с точки зрения их соответствия сущности человека. Эта оценка предполагает необходимость конструирования общечеловеческого (общественного) идеала.

В ряде трудов Новгородцева излагаются проблемы истории политических учений (истории философии права)²⁷. По богатству фактического содержания и форме его подачи (изложение и анализ политико-правовых доктрин) эти труды сохраняют значение как один из источников современной истории политических и правовых учений, теории права и государства, философии и социологии права.

Допуская исторический способ изучения идей как относительный наряду с другими (логическим, сравнительным, биографическим, философским и пр.) относительными методами исследования, Новгородцев возражает против абсолютизации метода историзма (и социологизма) в применении ко всем сферам науки и практики, так как эти способы, по его мнению, весьма поверхностно сближают события, факты с теорией. “Политическая

²⁷ См.: Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896; Государство и право // ВФП. Кн. 74,75. 1904; Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XIX вв. М., 1912; То же. М., 2011; Право естественное // *Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь*. Т. 48; Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. То же // Ученые записки Моск. ун-та. Вып. 19. 1901; Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904; Учение Канта о праве и государстве // ВФП. Кн. 3(58). 1901; Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1903; Сократ // Очерки по истории философии права. Вып. 1. М., 1910; Политические идеалы Древнего и Нового мира. Вып. 1, 2. М., 1913 – 1914; То же. М., 1919. Особое значение имеют две работы: *Новгородцев П.И. Об общественном идеале*. М., 1917; Киев, 1919. Берлин, 1921. М., 1991, в первой части которого анализируется учение социализма, во второй – разные течения и судьбы анархизма; *Его же. Введение в философию права. Кризис современного правовосознания*. М., 1909; М., 1996, где глубоко исследуются теория правового государства, доктрина народного суверенитета, концепции индивидуализма.

идея, — цитирует П.И. Новгородцев Р.Ю. Випера, — есть действительно абстракция, которая представляет продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности различных данных исторической жизни, сословной группировки, правительственной системы, экономических и культурных запросов, известного отношения общества к своему прошлому...”²⁸.

Историк, считает Новгородцев, “больше объясняет действительность при помощи идей, чем идеи при помощи действительности”, и, как следствие, “доктрина урезывается в уровень с эпохой; ее более глубокое, абстрактное и обобщающее значение остается в тени”²⁹. Теория, по замечанию Новгородцева, всегда остается абстракцией, которая не только отражает, но и преломляет в себе ближайшие исторические впечатления.

При анализе любой политической или правовой теории практически невозможно отделить идеи, порожденные конкретной исторической обстановкой, от идей, выведенных из философских принципов либо унаследованных от прошлого. Иными словами, каждая политико-правовая доктрина конкретно-исторична и одновременно абстрактна. Исторический метод достаточен и необходим для объяснения тех идей, входящих в структуру доктрины, которые порождены конкретными общественными условиями (например, идеи Платона, отражающие противоречия богатых и бедных, аристократии и демократии в античной Греции) или сложились под влиянием предшествующих доктрин (например, идеи Сократа, повлиявшие на учение Платона).

В то же время исторический метод не универсален; достаточно поставить вопрос: сохраняется ли политическая доктрина, как таковая, после изменения породивших ее исторических условий или она “живет” только в определенной исторической среде, изменение которой превращает доктрину, потерявшую стержень, в конгломерат ничего уже не значащих разрозненных идей. Для Новгородцева этот вопрос был риторический, поскольку историю политических и правовых учений он понимал как постепенное приближение (через исторически ограниченные ступени) мысли к постижению идеала.

Проблема, однако, существовала, ибо история политико-правовой мысли ближе других отраслей общественных знаний связана с конкретными,

изменчивыми, исторически обусловленными, типами, видами, формами государства и права, динамика которых достаточно быстро отражается в политической идеологии общества и нередко зависит от нее. Эта проблема стоит и перед современной наукой, не в полной мере раскрывшей закономерности соотношения конкретно-исторических интересов определенных классов и социальных групп (в политически организованном обществе определенного этапа развития) и абстрактно-теоретического (система понятий и категорий) в истории политических и правовых учений.

Что именно в политико-правовых доктринах прошлого преходяще, а что (с точки зрения философии права, а не текущего политического момента) имеет непреходящее значение?

Задача Новгородцева состояла в том, чтобы показать неизбежные трудности и границы исторического объяснения идей и недостаточность только исторического метода: поскольку возникают проблемы системы, догмы, критики, необходим философский подход. Его назначение заключается в обнаружении внутренней ценности и сущности идей. Однако философский способ исследования не исключает исторического и социологического методов; это “необходимое разделение научной работы, которое ожидает своего синтеза”.

Новгородцев четко отграничивает задачи философского изучения от задач любого другого метода.

Во-первых, это систематизация — проверка логических свойств системы, которая выражается “не в примирении всех отдельных элементов доктрины, а в их объяснении при помощи их совокупного изучения”. Сущность этой задачи состоит в том, чтобы отдельные положения рассматривать в общем контексте теории.

Во-вторых, это критическая задача, включающая в себя оценку логических достоинств и сравнительный анализ теорий.

Эти две задачи можно отнести не только к философскому, но и к любому научному изучению; то, что отличает философский способ исследования, заключается в свойстве догматичности.

Догматичность — это третья задача философского метода. Каждая доктрина есть утверждение, поэтому, считает Новгородцев, “существует потребность выяснить значение доктрины с точки зрения принятых нами установок или одушевляющих нас стремлений”³⁰.

²⁸ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. С. 5, 6.

²⁹ Там же. С. 9.

³⁰ Там же. С. 20.

П.И. Новгородцев обосновывает положение, являющееся основополагающим для этической теории права, – логический и нравственный объем доктрины (как системы абстрактных определений) шире тех непосредственных реальных поводов, которыми она вызывается к жизни. Отсюда появляется возможность подвергнуть критике доктрину независимо от исторических предпосылок.

Для философского исследования важно определить общую основу доктрины, которая возвышает ее над сознанием данного времени и, отвечая некоторой общей потребности жизни, делает ее достижением целого ряда эпох. Такой подход Новгородцев использует для раскрытия понятия нравственной сущности права и отыскания общественного идеала.

В целом он выводит следующие методологические правила:

1) должен быть проведен тщательный анализ теории и практики, их связей и соотношений;

2) необходимо всегда помнить о различии практики и теории (теоретические идеалы никогда не могут быть целиком достигнуты в реальных отношениях);

3) необходимо помнить об этом различии (теории и практики) на заключительной стадии исторического изучения идей – при оценке их общего значения.

Таким образом, позитивно-социологическому исследованию права П.И. Новгородцев противопоставляет³¹ нормативно-этическое. Его суть заключается в том, что нравственность и право изучаются “не только как историческое и общественное явление, но и как внутренне-психическое индивидуальное переживание, как норма и принцип личности. Требовать здесь социологизма так же малоуместно, как, например, в математике”³².

Как отмечалось, П.И. Новгородцев был ярким представителем баденской школы неокантианства в России, что повлияло на предмет творчества ученого, но еще больше отразилось на методологии его доктрины.

Сторонники этой школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Б.А. Кистяковский и др.) считали необходимым восполнение критической философии И. Канта положениями учения И.Г. Фихте (отсюда их другое название – “нео-

фихтеанцы”) или Г.В.Ф. Гегеля. П.И. Новгородцев, создавая свое учение, стремился соединить этические постулаты философии И. Канта с эмпирическим учением Г.В.Ф. Гегеля о гражданском обществе и государстве, где, по теории немецкого мыслителя, происходит объективизация (социализация) каждой личности. Именно в этом сочетании подходов П.И. Новгородцев видел свою задачу не только как государствоведа и политического мыслителя, но и как представителя своей школы неокантианской философии.

Решить эту задачу автору “Общественного идеала” во многом удалось, поэтому тем интереснее обратить внимание на полемику, которая велась в то время в России между представителями обеих школ неокантианства.

Среди сторонников марбургской школы в России видное место занимал В.А. Савальский, написавший обширный труд “Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.”, в котором он выступил приверженцем идей Г. Когена.

В.А. Савальский критически относился к самой идее восполнения учения И. Канта. Особый предмет полемики – интерпретация категории долженствования в философии Канта.

В.А. Савальский утверждает, что сторонники баденской школы подчеркивают в своих изложениях моральной философии И. Канта “не тот момент, что оно есть, а тот момент, что оно всегда должно быть”. Речь идет прежде всего о работе П.И. Новгородцева “Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве”, которую В.А. Савальский постранично цитирует³³. Он замечает, что не следует подчеркивать значение категории должного, если это должное никогда не может осуществиться. В противном случае “должное” останется “неуловимым для познания”. Это, в свою очередь, порождает взгляд на этику как на область “непознаваемого”, сферу “чаяний и упований”, что приведет к “непреодолимым трудностям для изложения этической проблемы в критической философии”. Эти трудности изложены Новгородцевым в указанной работе, в которой автор с особой энергией отстаивал отличия и противопоставлял категории “должное” и “сущее”. По мнению Савальского, это привело к “агностицизму морали” в теории Новгородцева – этику он рассматривает “только как панегирик и поклонение”. Детально комментируя подход Новгородцева к пониманию категории долженствования, Савальский обвинял

³¹ Термин “противопоставляет” употреблен в значении не отрицания сущности позитивизма и социологизма вообще, а только как указания на его недостаточность при изучении философии права (Нормативно-этической концепции по Новгородцеву).

³² Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 79.

³³ См.: Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1909. С. 106–108.

его за характеристику морального учения Канта как системы “одностороннего индивидуализма и формализма”, что, по его убеждению, вообще лишало этику всякого смысла и значения³⁴. Взгляд на категорию должного как на “не-бытие” не позволит, по мнению марбургского оппонента, производить этические оценки правовой, государственной, общественной жизни, т.е. явлений, граничащих с этикой. Это, утверждает В.А. Савальский, и заставило П.И. Новгородцева обратиться к “объективной” этике Гегеля, “как бы” восполняя моральную философию Канта. Но результат этих методологических исканий Новгородцева, резюмирует Савальский, оказался половинчатым: “Верно поставив проблему, поскольку ставилось требование синтеза должного и сущего в одной и той же категории должного, проф. Новгородцев не выполнил сам искомого синтеза, так как, хотя необходимость восполнения Канта (в его понимании) посредством Гегеля и показана им, но самое это восполнение остается только требованием... Если такое восполнение вообще возможно, то только лишь как органическое соединение элементов системы того и другого, как синтез понятий на основе соответствующей, заново обоснованной логики, или теории познания”³⁵.

В.А. Савальский идейно противостоит концепции П.И. Новгородцева и выражает позицию главы марбургской школы Г. Когена, согласно которой принцип личности в учении И. Канта есть столь же принцип субъективной, сколь и объективной этики. Построения Г.В.Ф. Гегеля сделаны не в противоположность И. Канту, а только в его восполнение.

Можно заметить, что наделение морального учения И. Канта чертами одностороннего формализма и индивидуализма сложилось первоначально в немецком идеализме под влиянием Фихте и Г.В.Ф. Гегеля. В России такой подход первыми обозначили в своих трудах Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев³⁶.

Критические замечания В.А. Савальского в адрес П.И. Новгородцева показывают, как пред-

ставляется, не столько слабость позиции последнего, сколько тот дух полемических приемов в академической среде, который был характерен для отечественной науки конца XIX – начала XX в. Работы П.И. Новгородцева были пронизаны признанием вклада немецкого мыслителя именно в решение вопроса самостоятельного значения этического начала в социальной сфере. Но для Новгородцева принципиально важным оказалось не только теоретическое обозначение проблем соотношения должного и сущего, свободы и необходимости, личного и коллективного, абсолютного и относительных идеалов, но и их практическое разрешение.

Под влиянием российской революционной действительности мысль Новгородцева о необходимости реформирования общественно-политической жизни в духе западноевропейского либерализма усиливалась и подкреплялась новыми идеями и фактами.

Новгородцев признавал необходимость своевременного реформирования с учетом объективных потребностей (“нравственных предпосылок”) государственной жизнедеятельности. Однако в России, считает Новгородцев, “несоциалистическая мысль не могла достигнуть этой степени зрелости; она блуждала в потемках и смутно тянулась к социализму, не подозревая, что нравственная основа социализма – уважение к человеческой личности – есть начало либеральное, а не социалистическое и что в учениях социализма эта основа не развивается, а затемняется”³⁷. Выход из этого “несчастья” для России Новгородцев усматривал в идее социально-правового государства в качестве относительного идеала для российской действительности. Важно, считал Новгородцев, “чтобы утвердилось убеждение, что отщепенство от государства – этот духовный плод социалистических и анархических влияний – должно быть с корнем исторгнуто из общего сознания и что в этом – необходимый залог возрождения России”³⁸.

Учение П.И. Новгородцева об этике, праве и государстве явилось заметной вехой в истории политической и правовой мысли в конце XIX – начале XX в. Отдельные положения его теории были восприняты российским законодательством, однако, как представляется, особо большое значение трудов П.И. Новгородцева – в их этико-правовой ориентации и соответствующей нормативно-этическому содержанию его учения методологии исследования поставленных проблем.

³⁷ Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 247.

³⁸ Там же. С. 248.

³⁴ В.А. Савальский цитирует работу П.И. Новгородцева “Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права” (М., 1901. С. 73, 104, 110 и др.). См.: Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Т. 1. С. 106.

³⁵ Там же. С. 107, 108.

³⁶ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 2. СПб., 2008. С. 375–386; Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 345–347; *Его же*. Оправдание добра. Приложение. Формальный принцип нравственности (Канта) – изложение и оценка с критическими замечаниями об эмпирической этике // Там же. С. 555 и др.